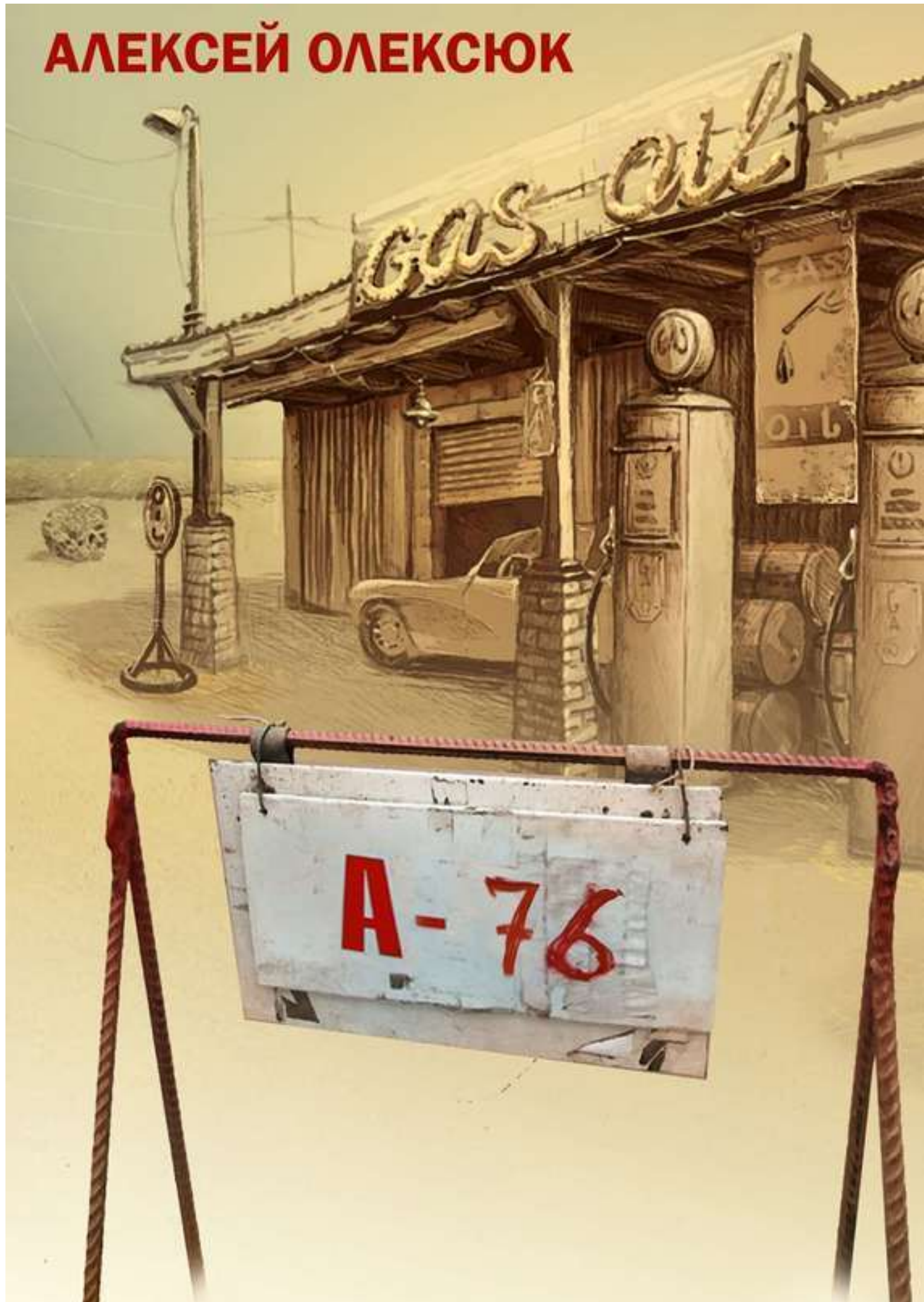

АЛЕКСЕЙ ОЛЕКСЮК

Алексей Олексюк
A76 (сборник)

«Издательские решения»

2014

Олексюк А.

А76 (сборник) / А. Олексюк — «Издательские решения», 2014

В данном сборнике собраны рассказы и эссе, написанные в разное время по разным поводам и в различной манере. Но это не случайное собрание, а единый текст, составленный по принципу музыкального альбома. Во всех своих произведениях автор сочетает пристальное внимание к бытовым подробностям с философским подтекстом и элементами фантастики, иногда иронии или юмора. Так, как оно и есть в реальной жизни.

© Олексюк А., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Часть 1	6
Сладкая О.	6
Возвращение	9
Перед сном	13
Беременный ангелочек	15
1	15
2	16
3	18
Сентиментальное путешествие из Кустаная в Петербург	19
1. Предчувствие	19
2. Питер-бурхъ	19
3. Встреча	20
4. Белые ночи	21
5. Воспоминание	22
Часть 2	23
Он наблюдает...	23
Без названия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

А76
Сборник рассказов и эссе
Алексей Олексюк

© Алексей Олексюк, 2014

© Нина Олексюк, иллюстрации, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1

Сладкая О. и др.

Сладкая О.

*Жениться на девушке, не смеющейся
над тем, что вам смешно, – опасно*
Английская поговорка

Солнце припекало так щедро, что вскипала кровь в жилах. На небе ни единого облачка. Встречные особи женского пола, как на грех, были облачены в полупрозрачные легкие одежды, которые на человека почти месяц прошедшего за письменным столом и посему не казавшего носа на улицу производили одуряющее впечатление: безумно хотелось влюбиться этак на месяц – другой, ещё бы лучше – до сентября.

Случай не заставил себя ждать. На одной из дорожек Центрального сквера я столкнулся с одним своим хорошим приятелем. Но приятель был отнюдь не один: он был с дамой. На вид, юной белокурой леди никак нельзя было дать больше пятнадцати.

– Знакомьтесь, – широким жестом приятель как бы замкнул нас с девушкой в круг. – Это Ольга.

– Алексей, – представился я в свою очередь. Собственно имя всё и решило; мою первую детскую любовь тоже звали Ольгой и с тех пор я питаю непреодолимую слабость к этому имени.

В этот достопамятный день мы долго бродили по скверу, болтая о самых различных вещах. Впрочем, говорил в основном мой приятель, человек начитанный и не обделённый ораторским даром. Я же, придерживаясь испытанной партизанской тактики, только вставлял время от времени остроумные, с моей точки зрения, замечания. Тактика принесла плоды. Ольга стала бросать в мою сторону заинтересованные взгляды.

Но вот приятель галантно раскланялся, чмокнул даме ручку (жест, которому я, видимо, никогда не обучусь) и исчез из поля зрения по каким– то своим делам. Мы остались вдвоем.

– А ты? – спросила девушка.

– Я? Я птица вольная: куда хочу – туда лечу. Ближайшие два месяца я совершенно свободен.

Она улыбнулась и предложила в таком случае проводить её до дому. По дороге она принялась расспрашивать меня и я, вначале кратко и смущаясь, а потом все более и более воодушевляясь, поведал немало эпических эпизодов своей биографии. В то время посторонние люди редко интересовались моей скромной персоной, и поэтому я мнил, что в глубинах своей души храню неисчерпаемые залежи самородного золота. Мы присели на скамейку у её пятиэтажки, а я всё еще продолжал самозабвенно исповедоваться. Не знаю уж, что заставляло Ольгу в течение часа стойчески внимать моему монотонному монологу, но даже её ангельскому терпению пришел конец. Заприметив какого– то знакомого парня, она прервала меня прямо на полуслове, правда, предложив в утешение, заходить иногда в гости. Может быть, это было предложено из чистой вежливости, но я принял всеза чистейшую монету.

Мир казался мне розовым и симпатичным, как пьяненький прохожий, злоупотребивший портвейном.

Примерно неделю я для приличия выждал. Потом позвонил.

– Да? – послышался в трубке елейный голосок.

– Это Алексей. Помните ещё такого?

– А, привет, – не совсем радостно (как показалось мне) воскликнул голосок.

– Можно к вам в гости наведаться?

В трубке призадумались.

– Ладно, только после обеда, часа в два.

До обеда я успел принять душ, выбрить до синевы подбородок и принарядиться. Глянув в зеркало, удовлетворённо хмыкнул и полетел к автобусной остановке. В урочный час я уже стоял перед окованной железом дверью и пытался унять сердцебиение. То ли от неимоверной жары на улице, то ли от волнения, но у меня основательно пересохло в горле. Хотелось пить.

С усилием сглотнув загустевшую слюну, я отважился позвонить. Дверь со стальным грохотом растворилась и меня окатило медоточивой мелодией популярного в тот сезон эстрадного шлягера...

– Проходи, – пригласила Ольга, – только тапки надень.

Я послушно скинул свои выдавшие виды туфли и напялил пушистые белые тапки.

– У тебя, случайно, нет попить, что-то в горле пересохло, – прохрипел я.

– Чай подойдёт?

– Вполне.

– Тогда проходи на кухню.

Кухня выглядела ещё цивильнее, чем прихожая: девушка явно произрастала в обстановке мелкобуржуазного достатка. Усадив меня на табурет, она подала маленькую, почти детскую кружку с каким-то забавным рисунком и блюдец полное овсяного печенья.

– Мёд любишь? – спросила Ольга.

– Люблю.

Тут же передо мной очутилась баночка с чем-то янтарного цвета. Почти забытый запах зашекотал ноздри.

– Мажь на печенье, – посоветовала хозяйка, первой подавая пример в этом. Я поддел вязкую массу чайной ложечкой и осторожно (что б не ляпнуть) смазал ею печенье. Откусил. Прихлебнул из кружки... И чуть не поперхнулся: чай был слаще, чем мёд.

– Ты сколько сахара обычно кладешь? – вежливо поинтересовался я, прожевав сладкое месиво.

– Три-четыре... а что? – Ольга удивлённо взглянула на меня. Я смерил взглядом объём кружечки и вздохнул.

– Нет... так... Можно сделать потише музыку? А то разговаривать мешает.

– Ладно, – Ольга вышла в соседнюю комнату, а я, быстренько заглотив оставшийся кусок печенья с мёдом, сразу запил его сырой водой из-под крана.

Когда Ольга вернулась, я мирно помешивал чай.

– Ну, о чём говорить будем? – спросила она.

– Не знаю.

– Кавалер должен развлекать даму. Чтобы она не заскучала.

Но, увы и ах! Развлекать я как раз таки не умел совершенно. Я, конечно, попытался (содрогаясь в душе от ужаса) пересказать пару увлекательных, на мой взгляд, историй, но по лицу Ольги довольно быстро понял, что произвожу впечатление если и не полного отморозка, то полудурка, во всяком случае, наверняка. То, что действительно занимало меня, ей было просто непонятно, а то, что казалось мне жутко смешным, у нее не вызывало даже вежливой улыбки. В конце концов, безжалостно скомкав финал очередной своей тирады, я совершенно неожиданно припомнил строчное и не терпящее отлагательства дельце, быстро натянул в прихожей родные туфли и, наскоро попрощавшись, кубарем скатился вниз по лестнице.

Отдышался я только через квартал. Солнце пекло макушку; по небу плавно плыла целая эскадра облаков, похожих на подгоревшие по краям оладья; а во рту у меня всё еще держался сладковатый привкус.

Мучительно хотелось сплюнуть.

Возвращение

Этот мир был ещё столь молод, что в нём водились драконы и другие вымышленные существа, расстояния измерялись полётом стрелы, а человеческая жизнь ценилась гораздо дешевле, чем рыцарская честь. Освещали же этот смутный, ещё не сформировавшийся окончательно мир сразу три солнца: Красное – огромное, но тусклое, всё изрезанное багровыми жилами, словно растрескавшийся глиняный горшок, Жёлтое – молодое и жаркое, похожее на пушистый клубок шерстяных ниток и Белое – самое маленькое, крошечная, но яркая горошина на практически всегда безоблачном небе. Морей здесь было меньше, чем суши, а пустынь и степей больше, чем лесов. Только на самом севере, по берегам Полярного моря, раскинулись заповедные дебри, чрез которые нельзя было продрасться без помощи топора. И именно там, в небольшом рыбацком посёлке, обнесённом высоким деревянным частоколом, жила простая девушка с ясными тёмно-серыми очами, русым волосом и округлым открытым лицом. Её немудреная девичья жизнь текла прозрачным, незамутнённым потоком – то весело и звонко скачущим по камням перекатов, то задумчиво медлящим над глубокими лесными омутами. Текла, пока не наткнулась однажды на старую мельничную плотину. Тяжкое, обросшее мхом колесо со скрипом сдвинулось с мёртвой точки и завертело каменные жернова.

В тот погожий предосенний день она отправилась собирать целебные травы. Отправилась одна, что, вообще-то, случалось редко. Все в посёлке знали, что самые лучшие травы растут у Драконьего логова, но собирать их там опасались – место слыло недобрым. Поэтому девушка долго и почти безрезультатно бродила по лесу и только на обратном пути, когда уже вечерело, вышла на опушку рядом с широким сухим логом, тянувшимся с вершины Дозорного холма до самого моря. Внезапно внизу, на склоне, она заметила мерцающий огонёк. Костёр. Никто из их посёлка не стал бы разводить костра в столь сомнительном месте. Чужак же в этих диких краях, где одно селение отстояло от другого на сотни вёрст, всегда настораживал.

И всё-таки любопытство, этот извечный источник всяческих бед и напастей рода человеческого, взяло верх. Девушка никогда не видела человека не из своего посёлка, и ей очень хотелось посмотреть. Осторожно подобравшись поближе, она присела за кустом дикого шиповника, чрез ветви которого прекрасно просматривался весь лог. У ярко горевшего костра неподвижно сидел, почти спиной к девушке, мужчина в длинном плаще, скрывавшем очертания его фигуры. Лица также не было видно. Единственное, что бросилось в глаза и запомнилось девушке – это длинные светлые волосы, собранные сзади в косицу. Да ещё – лежавший на траве рядом с чужаком меч в простых кожаных ножнах.

Сообщение о каком-то чужаке, внезапно объявившимся в окрестностях посёлка, не на шутку встревожило всех его обитателей. С раннего утра, когда воздух ещё сыроват и мягок, как непросохший холст в мастерской художника, а звуки, запахи и краски от этого кажутся особенно, обострённо сочными, на единственной площади в центре селения шумел сероовчинный сход.

Почти сразу же порешили отрядить несколько охотников проверить всё достоверно. Вызвавшиеся молодые парни с явной бравадой нацепили длинные мечи, закинули за спину луки и двинулись к Драконьему логову.

К обеду они возвратились. Девушку, как не достигшую совершеннолетия, не допустили на площадь. Поэтому за всем происходящим ей пришлось наблюдать с ветвей возвышавшегося над изгородью дерева. Отсюда ей было хорошо видно, но слышать она могла только отдельные фразы, из которых и составляла, как опытный дешифровщик, суть разговора. Возвратившиеся разведчики подтвердили, что какой-то чужак обосновался вблизи посёлка. Он отказался открыть своё имя и происхождение, но согласился платить за право жить на общинной земле.

После долгого и бурного совещания старейшины (многие из которых едва перешагнули за третий десяток) приговорили позволить чужаку построить дом в Драконьем логове и распахать близлежащую опушку: всё равно место пустынное, пользующееся недоброй славой, а так хоть какой-то прок от него будет. Единственный, кто выступил категорически против, был отец девушки – широкоплечий, коренастый рыбак с просоленной и прокуренной русой бородой: «Хороший человек не выбрал бы Драконье логово для жилья». Но остальные сочли этот аргумент неубедительным: чужак, естественно, не мог знать местных поверий.

Воротившись со схода, отец строго-настрого приказал дочери никогда не приближаться к чужаку.

– Но почему?

– Потому что всё лицо у него в шрамах, словно от когтей дракона. А ты знаешь, что говорят о таких, как он?

– Нет.

– Говорят, что душа дракона вселяется в того, кто его убил.

– Ты в это веришь?

– Бережёного Бог бережёт...

Тем не менее, отцовское предостережение только заинтриговало девушку, врождённое любопытство и упрямство непреодолимо влекли её ещё раз взглянуть на таинственного незнакомца. Уже через несколько дней после схода она под благовидным предлогом отлучилась из дому и напрямик направилась к Драконьему логову.

На сей раз чужак был занят постройкой землянки. Его ветхий, прохудившийся местами чуть ли не до дыр плащ лежал на земле, и теперь девушке было хорошо видно, что чужак одет в выцветшую, неопределённо-серого цвета рубаху и такие же штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги со стоптанными подошвами. Вся одежда свободно, не стесняя движений, сидела на его ладном, ещё молодом теле. Тем разительнее казался контраст с абсолютно седыми волосами и изуродованным лицом: были ли то следы когтей или ядовитая, едкая кровь дракона брызнула на него, но глубокие, местами до кости, шрамы смотрелись жутковато. Чужак как раз таскал брёвна с опушки леса к логоу, когда девушка, осторожно подкравшись, спряталась за тем же кустом шиповника, что и прежде. Какое-то время чужак продолжал сосредоточенно делать своё дело: казалось, окружающее вовсе не интересовало его. Успокоенная девушка даже принялась произвольно обрывать растущие рядом цветы и плести из них венки, что частенько делала в задумчивости. Но, возвращаясь в очередной раз к опушке за бревном, чужак резко сменил направление и раньше, чем девушка успела что-либо сообразить, оказался прямо перед ней. Его выгоревшие, провалившиеся в полость черепа и присыпанные пеплом глаза упёрлись во всколыхнувшееся от испуга полымя девичьих очей.

– Уходи, – с усилием, почти выдавливая тягучее слово языком, произнёс чужак.

Девушка была столь напугана, что не нашлась, что ответить. Она молча перебирала в руках венки из полевых цветов и ветер со стороны моря трепал её русые, слегка выющиеся волосы.

– Уходи, – ещё раз с усилием произнёс чужак и, как человек не твёрдо владеющий иностранным языком и не уверенный, что его понимают, дополнил речь отрывистым жестом. Этот жест и вывел из себя девушку. Её страх мгновенно сменился гневом.

– Сам уходи! Это наша земля! Кто ты такой, что бы мне указывать?! – крикнула она, но крик прошёл сквозь стоящего перед ней человека, ничего не возмущив в нём. Так же спокойно, как и прежде, он повернулся и пошёл назад – к прерванной работе.

С этого дня девушка стала постоянно появляться поблизости. Пригнав хворостинной гурт чопорных гусей или притащив плетёную корзину собранных по дороге грибов, она демонстративно усаживалась на поваленный ствол дерева или на ворох веток и подолгу наблюдала за чужаком, который медленно, но методично обустраивал своё жильё. Однажды она принесла

крынку свежего коровьего молока. Содержать крупную скотину на севере хлопотно и поэтому коровье молоко там всегда в цене. Чужак, занятый плетением из прутьев рыболовных морд, даже не взглянул на девушку, когда та поставила пред ним крынку.

– Это тебе, – сказала она.

– Уходи, – не повышая голоса и не отрывая глаз от работы, ответил чужак.

– Почему? Разве я тебе мешаю?

– Я убил дракона.

– Тоже мне причина! – фыркнула девушка и села рядом на чурбан для колки дров. – Что ж теперь, всю жизнь из-за этого медведём в берлоге просидеть?

– Мне ничего не нужно, – чужак резким толчком опрокинул крынку. Молоко вылилось и быстро впиталось в чёрную, ещё сырую от ночного дождя почву. Только несколько капель задержалось на листьях гусяного лука и муравы.

– Дурак, – констатировала девушка.

– Уходи, – всё тем же безжизненным тоном произнёс чужак.

– Заладил одно и то же! Других слов что ли не знаешь? – девушка, раздражённо нахмурившись, подобрала крынку и погнала своих гусей назад к посёлку.

Но на следующее же утро она появилась вновь. И вновь с полной крынкой коровьего молока. Молча поставив её перед чужаком, девушка уселась на привычный уже, по-видимому, ей чурбан. Они так и не обменялись ни единым словом. После полудня девушка ушла в посёлок, оставив на месте не тронутое чужаком молоко. Вернувшись утром, она обнаружила, что крынка пуста. Выпил ли чужак молоко или вновь вылил на землю, но с тех пор девушка стала регулярно оставлять ему молоко и иногда краюху ржаного хлеба. Обычно она молча сидела, наблюдая за тем как чужак работает: как вынимает из воды плетёные морды, как латает свою ветхую одежду, как, взяв самодельные лук и копьё, уходит на охоту, как возвращается, сутулясь под бременем берестяного короба, набитого добычей, как ловко разделявает ножом тушки и затем печёт их на углях... Изредка девушка всё же нарушала «заговор молчания», пересказывая деревенские новости или подсказывая что-либо по хозяйству. Чужак никак не реагировал на эти порывы, и она опять надолго умолкала.

Вполне закономерно, что частые посещения девушкой Драконьего логова не могли оставаться тайной слишком долго. В конце концов, родители дознались куда чуть ли не каждый божий день гоняет гусей их чадо. Разразился семейный скандал: с криком, руганью, слезами и прочими обязательными атрибутами. В итоге девушку на неделю заключили в воспитательных целях в хлев. Здесь пахло свежим сеном, парным молоком и навозом, пахло коровьим дыханием и умиротворяющей тишиной. Дважды в день, приходя доить коров, мать приносила ей еду. Больше всего девушку угнетало вынужденное безделье. Она пожаловалась на это матери и та, с санкции отца, принесла ей ворох выделанных шкурок, ножницы, шило и прочие орудия портняжного ремесла. К моменту, когда её освободили из-под ареста, девушка успела сшить тёплый меховой плащ.

– Надеюсь, теперь ты будешь умнее, – сказал отец, отворив тяжёлую дверь хлева. Умнее девушка была ровно три дня. На четвёртый она вновь стояла у знакомой землянки в Драконьем логове.

– Возьми, это тебе, – девушка протянула чужаку, чистившему ножом какие-то корни, меховой плащ.

– Уходи, – не глядя на неё, ответил тот.

– Мог бы для разнообразия и спасибо сказать, – девушка положила плащ на чурбан для колки дров и пошла прочь.

Это было на четвёртый день. А на пятый чужак, выйдя вечером из дому, увидел в той стороне, где находился посёлок, столбы густого чёрного дыма. Взойдя же на Дозорный холм,

чтобы снести вниз заготовленные загодя дрова, он увидел и причину дыма – четыре узкие боевые ладьи на ближайшей отмели.

По-осеннему пронзительный ветер, особенно ощутимый здесь – на вершине, пробирал холодом даже под новым меховым плащом. Жёлтое и Белое солнца уже скрылись за горизонтом, а угасающее Красное наполнило море холодным жидким огнём, на фоне которого окружающий лес казался не зелёным, а почти чёрным.

Спустившись вниз и начав складывать принесённые дрова в поленницу, чужак увидел стремительно катящийся к нему тёмный шар. Приблизившись, шар обратился в задохнувшуюся от бега девушку, которая почти рухнула всем телом на поленницу и не могла вымолвить ни слова, захлёб хватая ртом воздух, который холодной сталью резал ей лёгкие.

Чужак не прервал свою работу. Его тусклый, ничего не выражающий взгляд, скользнув окрест, замер на двух воинах с обнажёнными мечами, выскочившими только что на опушку – похоже, они гнались за девушкой от самого посёлка. На мгновение замерев и нервно оглядевшись, они с двух сторон бросились на чужака. Но тут туловище их противника стало неестественно разбухать, шея удлиняться, лицо вытягиваться вперёд, а зрачки сжиматься в вертикальные прорезы, напоминающие крепостные бойницы. Последнее, что они успели увидеть – это как лопнула, разлетевшись в клочья, ветхая одежда и за спиной огромного огнедышащего дракона раскрылись перепончатые крылья.

Перед сном

Человек лежал в постели, откинув лёгкое покрывало и высоко взбив подушку. Ему не спалось. Было невыносимо душно. И хотя балконную дверь он распахнул настежь, ничего, кроме шума тополиной листвы и комаров, в тёмную комнату не проникало. Ни капли прохлады.

До этого человек долго читал один из романов Хемингуэя и сейчас, лёжа с открытыми глазами, думал о том, что «старик Хэм», пожалуй, великолепный писатель; очень, очень сильный; может быть, лучший из всех, кого он знает. А знает он немало. Он всегда любил читать. И рыбачить. И вставать ранним-ранним утром, когда все ещё спят, улицы безлюдны и на всём пути к реке не встретишь никого, кроме старого пастуха со стадом задрыпанных коз, который обязательно попросит прикурить, а, закулив, обязательно поговорит о погоде, поскольку таким ранним утром больше говорить не о чем. Он всегда любил этого старика. И «старика Хэма» он тоже всегда любил.

На улице послышался какой-то шум. Стук шагов, потом шорох ломаемого кустарника.

– Вот сюда. Здесь есть место, – сказал мужской голос так чётко, словно говорящий стоял на балконе.

– Я не хочу, – ответил ему голос женский: взвинченный и осиплый. – Я не хочу туда!

– А куда? Не ломайся, пошли!

Вновь послышался хруст веток.

– Оставь меня!

– Наташа!

– Не трогай меня, я сказала!!! – голос сорвался, стал тонок и мокр от слёз. – Скотина!

– Прекрати!

– Почему нельзя по-людски?! Боже, в кустах, как последняя б...!

– Наташа!

– Не трогай меня!!! – голос окончательно захлебнулся во всхлипах.

– Ну, перестань. Что ты вечно из мухи слона делаешь? – мужчина заговорил тише, так что дальнейшие его слова потерялись в шуме листвы, превратившись в однообразное «бу-бу-бу», как если бы там тихо работал какой-то двигатель. Потом женский плач стих, и слышался только басовитый и монотонный (бу-бу-бу), уверенный в том, что он говорит, мужской голос. Но слов уже было не разобрать.

«Странно, почему у меня никогда не было девушки», – подумал, лежавший в темноте человек. – «Наверное, мне это просто не было нужно. У меня есть моя работа, мои друзья, рыбалка и „старик Хэм“. Этого вполне достаточно. Если уж ухаживать за девушкой, то только для того, чтобы затем жениться на ней. А всё прочее не стоит затраченного труда и времени».

Он часто думал об этом, и ничего нового в его мыслях не было. Но сейчас ему стало грустно. Очень грустно.

Тогда он перестал об этом думать, и представил, как хорошо было бы лежать рядом с девушкой. Он представил себе реальную девушку, которую давно знал. Они были хорошими друзьями, и он никогда не был в неё влюблён, но сейчас, в темноте, он подумал о том, как здорово было бы влюбиться в неё, а потом пожениться и жить вместе, а после того, как они прожили бы вместе какое-то время, она могла бы придти к нему ночью и лечь рядом, положив голову ему на грудь («Нет, немного не так. Чуть ниже. Да, теперь правильно...»), и он чувствовал бы её тепло, и её тяжесть на своей груди, и её дыхание слегка щекотало бы ему кожу, а если бы он немного наклонил голову, то смог бы почувствовать её запах, запах её смолистых волос. Она ведь всегда красит волосы. Интересно, какого они цвета на самом деле? Он бы непременно это выяснил.

Странно, что у него до сих пор нет девушки... Впрочем, так ли уж странно? «Наверное, мне это просто не нужно», – подумал он.

На улице опять слышался шум, словно кто-то продирается через густой кустарник.

– Оставь меня!

– Наташа!

– Убери руки! Не трогай меня! Скотина!!!

– Ну, и иди к чёрту! Я за тобой бегать не буду!

Послышался удаляющийся стук каблуков по асфальту.

– Стерва! – ругнулся мужской голос, и затем всё окончательно стихло. Только тополиная листва продолжала тихо шуметь старой патефонной пластинкой.

«Нет, всё-таки без баб куда проще», – подумал человек в темноте комнаты. – «Не стоит ничего менять».

Беременный ангелочек

1

Отец Сергей дремал на открытой веранде своего маленького белёного домика, вплотную пристроенного к такому же белому, из местного известняка сложенному, зданию храма. Было время послеполуденного зноя, когда стоящее в зените ослепительное степное солнце накаляло стены и крыши домов до такой степени, что люди, не выдержав печной духоты, выбирались на улицу, где небольшой, едва ощутимый ток воздуха приносил хоть какое-то облегчение. Собаки тушами валялись под оградами и крыльцами, высунув красные языки и тяжело опадая облезлыми боками. Придавленные жарой мухи едва ползали, не пытаясь взлетать даже когда их ловили. Пятилетняя соседская девчушка собирала их на затенённой стене здания и скармливала вялым от духоты курам, ходившим по двору. Когда отец Сергей открывал налитые тугой дрёмой глаза, он видел перед собой единственную во всём Всесвяцке площадь: голую, утоптанную лошадьми и людьми до такой степени, что на ней даже с лупой нельзя было найти ни единого зелёного ростка; отец Сергей поднимал взгляд выше и видел по ту сторону площади обросшие карагачём развалины старой мечети, в которых любили играть местные мальчишки, а ещё далее – за развалинами – чахлый общественный сад, разбитый пару лет назад по почину политических ссыльных. Но сейчас ни на площади, ни возле мечети, ни в саду не было никого. Редкие прохожие при одном взгляде на это залитое безжалостным солнцем пространство испытывали лёгкое головокружение и, сглотив подступающую тошноту, спешили обойти его проулками. Помедлив, отец Сергей вновь закрывал веки, отдаваясь зыбкому состоянию полуяви-полусна. В этот момент один человек всё-таки решился пересечь огромную раскалённую площадь. Одет он был обыденно: белая льняная рубаша, пиджак, серые брюки, заправленные в сапоги, на голове – картуз. Одежда уже не новая, блеклая от солнца и стирки, но опрятная, аккуратно зачиненная и выглаженная. Отворив калитку, человек прошёл к крыльцу, взял стоявший тут же веник, обмёл пыль с сапог и только затем взошёл на веранду. Лежавший в тени пёс, даже не глянул на него. Отец Сергей услышал скрип досок и открыл глаза.

– Разрешите присесть? – сказал человек, снимая с потной головы картуз.

– Садитесь, коль пришли, – отец Сергей узнал гостя – это был учитель начальной школы, бывший ссыльнопоселенец, а ныне председатель Всесвяцкого совета, которого все почему-то звали исключительно по фамилии – Иванов, или, с недавнего времени, – товарищ Иванов.

Священник молча ждал, что скажет пришедший, но тот долго сидел молча, вертя в руках картуз и изучая ползущую по сапогу муху. Потом, мотнув головой, от чего с волос слетели мелкие капельки пота, наконец-то произнёс:

– Вчера, во время службы, вы вновь позволили себе именовать Советскую власть дьявольским установлением, а её представителей – слугами антихриста...

– Так оно и есть: от Дьявола власть ваша, – подтвердил отец Сергей.

– А при Николае говорили, что всякая власть от Бога.

– За грехи наши Господь попустил Дьяволу властвовать над нами.

– Ладно, оставим это богословие, – Иванов встал со скамьи. – Я уполномочен сделать вам строгое предупреждение о недопустимости впредь антисоветской агитации среди верующих. Декретом Совнаркома церковь отделена от государства и не может вмешиваться в дела светской власти. Разве мы запрещаем вам молиться?

– Церковь не может безучастно взирать на творимые беззакония.

– Я вас предупредил. Даже нашему ангельскому терпению может придти предел. Если не прекратите пропаганду, мы вынуждены будем применить репрессивные меры, – пригрозил Иванов, сходя с крыльца.

– Пока жив, молчать не буду, – всё тем же ровным, почти бесстрастным тоном, что и во весь разговор, ответил отец Сергей.

«Ему хотят помочь, а он ещё упирается», – раздражённо подумал Иванов, выйдя на площадь. Он надел картуз, хотел в сердцах сплюнуть, но во рту пересохло, и председатель Все-свяцкого совета зло и коротко выругался.

А отец Сергей вновь задремал и очнулся только тогда, когда сместившееся солнце стало печь ему лысину. На ступеньке крыльца сидела соседская девчушка, баюкая тряпичную куклу с пуговками вместо глаз:

– Спи, мой ангелочек. Баю-бай, баю-бай, глазки закрывай! Спи, добрый ангелочек. Непослушный ангелочек. Глупый ангелочек. Пьяненький ангелочек. Беременный ангелочек...

Отец Сергей аж вздрогнул:

– Господь с тобой, дитяtko! Да разве ж бывают ангелочки беременными?

– А почему он тогда такой пузатый? – спросила девочка, показывая священнику действительно толстую, набитую соломой, куклу.

– Может быть, он объелся? – неуверенно предположил тот. – Не думай об этом, дитяtko. Это грех.

Но сам уже не мог не думать об этом. Весь остаток дня, и даже во время службы, этот странный ангелочек никак не шёл у отца Сергея из головы.

«Вот напасть», – подумал он, выходя из опустевшего храма и навешивая на двери замок. Придя же домой, долго и требовательно молился, после чего потушил огонь и лёг спать.

2

В совете света не тушили. Пять человек сидело в маленькой комнатке на втором этаже краснокирпичного здания бывшей городской управы, где вся мебель состояла из голого стола с печатной машинкой на нём, нескольких стульев с гнутыми спинками и кумачового лозунга во всю стену: «Советская власть – есть власть трудящихся!» Стульев на всех не хватило, и председательствующий – Иванов – разместился на подоконнике, сдвинув в сторону засохшую герань. За печатной машинкой сидел секретарь совета – рябой парень со смешной фамилией Парась. В комнате было густо накурено махоркой и жарко от нагретых за день стен.

– Открой окно, – попросил Иванова начальник местной милиции, бывший фронтовик Стаднюк. Несмотря на то, что ему ещё не было и сорока, выглядел он самым старшим среди всех: ранняя седина в чёрных от природы волосах, лёгкая сутулость и привычка говорить уверенно и отрывисто, невольно способствовали этому ощущению. Иванов отворил маленькую форточку, затянутую марлей, и синий вечерний воздух слегка разбавил застоявшийся дым и жар.

– Нужно что-то решать, – сказал Стаднюк.

– В самом деле, сколько можно цацкаться? – поддержал его молодой парень с серым от вьёвшейся свинцовой пыли лицом. – Забыли, в какой митинг вылился крестный ход на Пасху? А разговоры, которые он ведёт и которые потом богомольные старушки разносят по всему городу? А город у нас купеческий, зажиточный: всех наёмных рабочих ровным счётом сорок пять человек. Да случись взрыв, нас в пять минут перевешают и будут совершенно правы. Этого дожидаетесь?

– Охолопись, Олежа! – Иванов встал с подоконника. – Если мы его хоть пальцем тронем, вот тогда взрыв будет наверняка: весь город на дыбы встанет.

– Вызовем отряд Красной гвардии из Николаевска.

– Полтора-два десятка штыков против семи тысяч очень рассерженных горожан?

– Ну, не все ж семь тысяч возьмется за вилы? – парировал рябой парень.

– Да даже если всего четверть, всё одно не устоим.

– Это лирика, – оборвал спорящих Стаднюк. – Решать надо.

– Я думаю так, – заговорил молчавший дотоле единственный представитель крестьянского сословия среди собравшихся: несколько неопрятный, взлохмаченный хохол с холодными бесцветными глазами. – Нужно ночью, когда никто не видит, вывести его подальше в степь, да и решить эту проблему раз и навсегда. Только, чтобы ни одна живая душа не учуяла. А опосля, недельки через две, можно пустить слух, что, мол, видели его где-то у китайской границы, с чужим паспортом...

– Я категорически возражаю против физического устранения, – резко сказал Иванов.

Повисла пауза.

Стаднюк поднялся со своего места и, подойдя к председателю, слегка приобнял его за плечи, причём стало хорошо видно, что на правой руке у него нет двух пальцев, срезанных осколком немецкого снаряда.

– Я всё понимаю, Саша. Но это единственный разумный выход. Терпеть дольше – самим себе рыть могилу. И себя погубим, и дело. Решай.

– Хорошо, – нехотя согласился Иванов, – ставлю предложение на голосование. Кто «за»? Четыре руки поднялось вверх.

– Пиши, – обратился к секретарю Стаднюк. – «Постановили: приговорить священнослужителя отца Сергия... поставь скобки... Тарасова за активную антисоветскую агитацию к высшей мере наказания... в скобках – расстрелу. Точка. Исполнение возложить на начальника народной милиции товарища Стаднюка. Точка. Дата».

После этого все по очереди поставили свои подписи и стали расходиться. Оставшийся в одиночестве Стаднюк спрятал протокол в стол, закрыл форточку, погасил свет и по шаткой деревянной лестнице спустился на первый этаж, где в тесной коморке на лавках спали милиционеры. Разбудив троих наиболее надёжных, он приказал им, взяв на конюшне лошадей, ждать его в Заячьем логу у Николаевского тракта. Сам же, запрягши смиренного мохнатого мерина в доставшиеся от управы дрожки, повёл его, ступая по лужам лунного света, натёкшего в рытвины и неровности почвы, к дому отца Сергия: благо, это было в двух шагах, по другую сторону площади. Не доходя несколько до цели, Стаднюк оставил мерина и, осторожно приблизившись к ограде, стал подзывать дворового пса. Пёс пару раз для приличия гавкнул, но как-то неуверенно; потом, подумав, подошёл-таки поближе; Стаднюк ласково потрепал его за ухом и, когда тот потянулся своей мордой к пропахшим махоркой рукам, быстрым и умелым движением свернул несчастному шею. Отнеся труп в дрожки и прикрыв его рогожей, он вновь вернулся к дому, принявшись негромко, но настойчиво стучать в дверь. Через какое-то время послышались шаркающие шаги, и глухой голос отца Сергия спросил:

– Кто там?

– Это я, Стаднюк. Откройте, есть разговор.

– Что стряслось? – не отворяя двери, насторожился священник.

– Сестра моя в Полтавке в горячке лежит. Кончается. Просит, чтобы вы её исповедили и соборовали.

– Что ж ночью-то?

– Да неудобно мне днём-то перед товарищами. А сестра человек набожный. Не откажите. Я на дрожках, вмиг домчу.

– Ох ты, господи! – проворчал отец Сергий из-за двери. – Обожди, сейчас соберусь.

Стаднюк сошёл с веранды и, встав так, чтобы видеть сразу и окна, и дверь, вынул левой рукой револьвер. Несколько минут длилось ожидание, затем звякнула щеколда и из дома

вышел отец Сергей с дорожным сундучком и ещё чем-то под мышкой. Стаднюк убрал револьвер в карман.

– Садитесь, – сказал он.

Священник, ёжась от ночного холода, послушно забрался в экипаж. Стаднюк сел следом. Стальные рессоры старчески крикнули под тяжестью его крепкого тела, которое казалось отлитым в какую-то очень древнюю шероховатую форму. Направляемый твёрдой рукой бывшего фронтового разведчика, мерин послушно зарысил прочь из города. Огромная пучеглазая луна плыла справа, как неотступный соглядатай. Не доезжая нескольких вёрст до Полтавки, Стаднюк резко свернул с тракта в Заячий лог, где, сидевшие в засаде милиционеры тут же окружили дрожки. Задремавший по дороге отец Сергей, очнувшись, смотрел тусклым, не понимающим взглядом на мерцавшие в лунном свете штыки трёхлинеек.

– Слезайте, ваше святейшество. Прибыли! – сказал Стаднюк.

По прежнему не понимая, где он, священник слез с дрожek и, сделав пару неуверенных шагов к черневшему в тени кусту краснотала, обернулся. В этот момент шедший следом Стаднюк вынул револьвер и выстрелил ему в лицо.

Пока милиционеры закапывали тело в глубине лога, их командир курил на передке всё тех же дрожek, изредка щурясь от жёлтого табачного дыма. На востоке уже стало слегка розоветь, когда, отослав управившихся милиционеров назад в город, Стаднюк взял под уздцы мерина, выводя его из лога, и только тут вспомнил про несчастного пса; откинув рогожу, он вытащил окоченевший труп за задние лапы и, оглянувшись по сторонам, забросил подальше в кусты.

3

В город он въезжал засветло. Посреди площади, прямо на голой земле сидела румяная (щёки, как два наливных яблочка) девчушка с толстой тряпичной куклой. Стаднюк натянул вожжи.

– Тпру-у!.. Ты что здесь? – спросил он.

– Играюся, – пояснила румяная девчушка, демонстрируя свою куклу.

– И кто ж это тебе такую лялю сделал?

– Мама. Только это не ляля, а ангелочек. Он беременный и у него скоро будут детки.

– Ишь ты! – рассмеялся Стаднюк. Потом слез с дрожek, присев рядом с девочкой на корточки. – Запомни, дитятко, раз и навсегда: никаких ангелочков нет, а уж беременных тем паче.

– А у меня есть, – заупрямилась девчушка, прижимая к себе куклу, словно её хотели отобрать.

Стаднюк вновь рассмеялся:

– Ладно, бог с тобой! Вырастишь – поймёшь. Прокатиться хочешь? – кивнул он на дрожки.

– Хочу. Только мамка заругает.

– Не бойсь, не заругает, – и, подхватив лёгонькую девчушку вместе с её «ангелочком» на руки, опустил их на кожаное сидение.

– Но! Поехали! – закричала тут же пассажирка. Улыбающийся Стаднюк хлестнул придремавшего мерина вожжой, и тот пошёл по площади лёгкой рысцой, распуская чопорных гусей и богомольных прихожан, спешащих к утренней службе.

Новый день занимался на востоке.

Сентиментальное путешествие из Кустаная в Петербург

*Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может
быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель.*

Ф. М. Достоевский

1. Предчувствие

Мы шли к железнодорожному вокзалу. Мы шли, взявшись за руки, по главной улице к железнодорожному вокзалу, и тёплый летний вечер мягко опускался на почти безлюдные тротуары, неслышно крался за нашими спинами, иногда забегал какими-нибудь извилистыми переулками вперёд и поджидал, притаившись в густой тополиной тени. Вышитое алым шёлком самурайское солнце стремительно катилось вниз. Было тихо, безветренно. Воздух – как парное молоко. Редкие автомобили и прохожие «плыли» в нём почти беззвучно.

Мы были молоды и мы шли прямой тенистой улицей к зданию железнодорожного вокзала, за которое только что закатилось раскалённое докрасна солнце. Нам нравились поезда. Их вид, их звук, их запах – всё отдавалось в груди предчувствием дальних странствий, щемлящим ощущением грядущих разлук и встреч, горьковатым холодком неизведанного.

– Мы пойдём сегодня смотреть на поезда?

Когда мы поднялись на перекинутый через пути пешеходный переход, солнце окончательно село. Потянуло лёгкой прохладой – едва уловимое движение воздуха омывало наши разгорячённые лица. Справа дыбилась громада вокзала. Слева расстиралось сотканное из рельсов и шпал железнодорожное полотно. На самом краю его стоял какой-то товарный состав – ни начала, ни конца которого не было видно. За составом чёрной массой лежал густой кустарник. Пахло железом, тепловозной гарью, полынью, пылью... Огни семафоров и фонарей слегка дрожали в нагретом воздухе. Изредка переговаривались диспетчеры...

И вдруг – отдалённый звук: недоумённая, жалобная нота, повисшая в вечернем сумраке. Такой звук могло издать только живое существо. И вновь – уже ближе, чётче – протяжный всхлип, от которого тревожно замерло сердце, и мерная дрожь воздуха, постепенно нарастающая, обретающая вес и плотность низкого вибрирующего гула. Старые бетонные плиты у нас под ногами тоже задрожали. Вдали возник белый сгусток света. Всё ближе, ближе... Что-то массивное катилось по земле, прогибая её своей тяжестью и сотрясая тревожным биением механического сердца. Вспышка, режущий свет, грохот и скрежет – словно лавина металлических обломков на мгновение накрыла нас. Но тут же всё стало стихать и стихло.

Пассажирский состав – длинная вереница зелёных вагонов – стоял прямо под нами. Он ещё дышал, но уже не двигался. Пассажиры и встречающие запрудили перрон, за минуту до этого совершенно безлюдный. У приезжих были какие-то нездешние, светлые лица, которые отделяли их от местных жителей. Казалось, эти люди знали что-то такое, о чём ещё понятия не имели в этой глуши...

– Ты не видишь надписи на вагонах?

Я перегнулся через перила и с превеликим трудом разобрал мелкие чёрные буквы на узкой белой табличке: «Астана – Санкт-Петербург».

2. Питер-бурхъ

Питер – крыши,

Питер – души,
Питер – пити,
Бить баклуши.

Перспективы
И проспекты —
Петербургские
Приметы.

Питер – пэр
И Питер – пан,
Город планов,
Город – план.

Подворотни
И дворцы —
Петроградские
Черты.

Питер – память,
Питер – быль,
Город – камень,
Город – пыль.

Парки, доки
И мосты —
Ленинградские
Мечты...

3. Встреча

В Бологое мы прибыли ночью. Это была последняя станция перед Петербургом. Наши попутчики, с которыми мы так хорошо ладили, сошли здесь. Их силуэты мелькнули за окном в свете станционного фонаря и пропали, слились с окружающим мраком. Вместо них в купе вошёл молодой парень в тельняшке. На плече у него висел небольшой рюкзачок. Поздоровавшись, наш новый попутчик лёг на голые, не застеленные полати, подложил под голову рюкзачок и мгновенно уснул.

Нам же было не до сна. Мы ходили по коридору, вглядываясь в тёмные окна, но ничего не могли различить, кроме чёрного сгустка несущейся мимо земли на фоне чёрного, усыпанного звёздами, неба. Не верилось, что это последние километры, отделяющие нас от заветной цели. Мы так долго стремились к ней, что теперь не могли осознать свершившегося факта. Нам требовалось какое-то внешнее событие, какой-то знак или знамение, чётко отделившее бы «до» и «после». И оно не заставило себя ждать. Наш поезд нагонял грозовую тучу. Звёзды исчезли. Чёрная земля слилась с таким же чёрным небом. Однако этот мрак поминутно разрывали вспышки далёких зарниц: словно там, за горизонтом, шёл бой. Тогда становилась видна окружающая местность – плоская равнина, поросшая смешанным лесом.

Поезд теперь летел вперёд легко и споро, предчувствуя близость города. Начинало светать. Грозовая туча уходила вправо, так что мы, в лучшем случае, могли пересечься лишь с её арьергардом. Но зато молнии теперь были видны чётко, как на гравюре.

С удивлением мы обнаружили, что наш новый попутчик проснулся, сидит на своих не застеленных полотах и смотрит в окно в том же направлении, что и мы. Он весело подмигнул и указал на едва различимое зарево впереди: «Город. Минут через пятнадцать-двадцать будем там». И, помолчав, добавил: «Каждый раз подъезжаю с таким чувством, как будто впервые. Это похоже на первое свидание с девушкой».

Вскоре мимо поплыли окрашенные нежно-алым светом промышленные окраины: какие-то склады, заводы, мастерские, ангары...

«Обводный канал», – пояснил наш спутник, когда поезд прогрохотал по железной эстакаде. – «Скоро будем на месте».

И действительно, едва мы успели переодеться, собрать свои пожитки и сдать постельное бельё проводнику, как в окне возникло здание вокзала. Парень в матросской тельняшке вскинул свой рюкзачок на плечо и, попрощавшись, первым выскочил на перрон. Мы же, обременённые многочисленными вещами, выползли из ставшего почти родным вагона значительно позже.

Небо вновь затянули тучи, которые «погасили» алые рассветные тона, заменив их оттенками серого. Или даже коричневого. Да, скорее всего, это была сепия. Мы прошли через великолепное старинное здание, вошли в пристроенное к нему здание современное, подошли к киоску, чтобы купить карту города, и, наконец, вышли на улицу, на широкую площадь, от которой расходилось сразу несколько проспектов.

Это было похоже на декорации к какому-то фантастическому фильму. Как будто мы вошли внутрь гигантского павильона. Шёл дождь – довольно сильный, но тёплый, тихий. Его белёсая пелена усиливала эффект картинности. Как будто мы внезапно вступили в иной мир, параллельный нашему, но лучше, ярче, чище. Он казался вымышленным – чьей-то гениальной фантазией или сновидением, и, в то же время, он был реален до рези в глазах. Созданный людьми и для людей, он был столь же гармоничен и естественен, как лес или небо. И мы вошли в него. И он объял нас. И более уже не покидал никогда.

4. Белые ночи

Белые ночи. Светлые сны.
Лёгкой походкой по краю судьбы

Вкрасться в доверие к этим домам,
Видевшим столько незримого нам,

Тенью прокрасться вдоль улиц, в тиши:
Там, где дворами – колодцы души,

Старые камни, строгий покой...
Но лишь коснёшься тёплой рукой

Стен – пробуждаются вещие сны...
Белые ночи. Ветер с Невы

5. Воспоминание

Мы возвращались с дачи. Был жаркий июньский вечер. В руке у меня мотылялся пластиковый пакет с редисом, луком, петрушкой и укропом. И ещё – веточками вишни для хомяка, чтобы погрыз на досуге. Все эти плоды земные благоухали в плотном предгрозовом воздухе. Ещё на даче, когда мы предавались высокоинтеллектуальному занятию – собиранию личинок колорадского жука – на северо-западе что-то мрачно клубилось и погромыхивало. Тонкие белые нити сшивали на мгновение тёмное небо с тёмной землёй и тут же рвались, а через время долетал сухой треск и удар грома. Но всё это ещё очень отдалённо...

Когда мы, покинув дачное общество, вышли к шоссе и пошли вдоль него, обдаваемые жарким дыханием проносившихся мимо машин, миновали заросший красноталом и рогозом лог, затем – корпуса завода, дорожную развязку и вошли в город – в пыльные и душные кварталы железобетонных домов, тогда только нагнал нас первый порыв влажного ветра. Он взметнул пыль с тротуара и прошелестел по вялой, отяжелевшей листве тополей. Пока мы углублялись в город, ветер всё чаще подгонял нас: нарастал, крепчал – и вдруг стих. Мы как раз вывернули на улицу, ведущую к автобусной остановке. Слева тянулись дома, и над домами этими висела грозная туча, а справа – через проезжую часть – виднелся пустырь, автозаправка, какие-то гаражи, и над ними небо было ясным. Стало так тихо, что отчётливо раздавался стук наших шагов по асфальту. Даже непрерывный шум автомобилей как-то отдалился. Флаги на автозаправке обвисли безвольными тряпками. Штиль. В неподвижном воздухе висел странный голубоватый туман или смог. Но это не было ни тем, ни другим. Прозрачная голубоватая дымка. Отчётливо пахло влагой и озоном. И ещё чем-то знакомым – железом или йодом... или... И тут я вспомнил. Так пахло там – в Петербурге, когда ветер дул с моря или с Невы. Это был тот же самый запах. Эта туча пришла сюда с Балтики, и она несла с собой запах породившего её моря. Я закрыл глаза. Я вдыхал этот воздух всей грудью и не мог насытиться. Я впитывал его прохладную влагу разгорячённой кожей. Хватал лёгкий привкус железа сухими губами. Это был самый чудесный воздух в мире – чистый и бодрый, от которого замирало и слегка щемило сердце. Я дышал полной грудью. Может быть, впервые за долгое время дышал полной грудью и хотел только одного: чтобы это никогда не кончалось...

Часть 2 Время Ч.

Он наблюдает...

Он взглянул на наручные часы: оставалось ещё с четверть часа. Летний день едва перевалил полуденную вершину. Воздух ещё не успел утратить утренней свежести, хотя солнце над самой макушкой горело нешуточным энтузиазмом. Место казалось удачным в том плане, что, оставаясь практически незаметным за чугунным забором небольшого сквера, можно было наблюдать абсолютно всю улицу от одного её конца до другого. Прохожие безостановочно двигались мимо. Рядом припарковался бордовый «Ауди», из которого «выпал» бегемотообразный господин в клетчатых шортах и направился в кафе напротив. Заведение сие с незапамятных советских времён располагалось в просторной пристройке к жилому шестиэтажному зданию. Раньше над фасадом горела надпись из гнутых неоновых трубок, но новые владельцы сменили её большим щитом с подсветкой, сплошную стеклянную витрину вдоль фасада сделали зеркальной, а полированный гранит облицовки поменяли на пластик. Впрочем, одно осталось неизменным не смотря ни на что: летом часть столиков по-прежнему выносили на улицу, натягивали над ними тенты и огораживали это всё низенькими (по колено) чугунными столбиками, соединёнными цепью. Расположенное в центре города, на одной из оживлённых улиц, кафе никогда не пустовало. Тем более – в праздничный день. Люди шлѐлись по пешеходной зоне меж расставленных торговых палаток и лотков, дымящих сырой щепой мангалов и пятилитровых самоваров, шлѐлись под звуки задорной попсытины из репродукторов, выпивали, закусывали, общались, перекрикивая репродукторы. Местами попадались плотные кучки затянутых в чёрную кожу и джинсу рокеров с бутылками пива, коим они заливали свежую обиду. Давно обещанный властями, несколько месяцев ожидавшийся сейшн закончился буквально через пятнадцать минут после начала: на сцену выпрыгнул таким молодым козликом женоподобный конферансье и весело объявил, что концерт «по техническим причинам» продолжен быть не может, а посему замещается выступлением детишек из танцевальной студии при бывшем дворце пионеров. Подобного облома местная рок-сцена ещё не знала. Слова «козлы» и «уроды» были самыми интеллигентными выражениями в адрес организаторов. Зато далѐкие от проблем молодѐжи старички и старушки ностальгически вальсировали под «живое» звучание духового оркестра.

Он вынул из нагрудного кармана пачку сигарет и закурил. Оставалось ещё десять минут. Влажный ветерок едва касался его небритой щеки. Народ по-прежнему непрерывно входил в кафе и выходил обратно. Те, кому не хватало места за круглыми пластмассовыми столиками, пристраивались на близлежащем газоне, как, например, вон та парочка влюблённых, кормящих друг друга мороженым. Над не иссякающим людским потоком, подчинѐнным жѐсткому релятивизму броуновского движения, теплился сизой дымкой праздничный перегар. Бомжи и дворники наперегонки подбирали порожнюю стеклопосуду. Милицейский патруль неспешно обходил дозором свои владения. Молоденькая мамаша, вырядившаяся в модный (из полупрозрачной ткани) брючный костюм, материла и била своего малолетнего отпрыска, обляпавшего новую футболку мороженым. Белобрысая девочка за соседним столиком наблюдала эту сцену с каким-то мистическим ужасом. Мамаша наскоро вытерла пятна салфеткой и потащила своего ревущего отпрыска прочь. Возле чугунного ограждения сама собой образовалась «тѐплая» компания парней и девчат, чей молодецкий гогот сотрясал зеркальные стѐкла витрины. А рядышком, по другую сторону ограждения, двое спорщиков никак не могли придти к еди-

ному мнению: брызжа слюной и жестикулируя, они отчаянно доказывали что-то друг другу; один даже чертил авторучкой какие-то схемы на салфетках и тыкал в них волосатым пальцем. Миловидная девушка-официантка в форменном красном фартучке и пилоточке (видимо, студентка, зарабатывающая о летнюю пору себе на учёбу) заболталась, захихикалась с хорошей знакомой, беспечно отмахиваясь от назойливых посетителей. Знать бы, о чём это они столь весело разговаривают? А вон тот пьянчуга? Вишь, пристаёт через чугунное ограждение к дамочке за столиком. О чём он её так настойчиво спрашивает? А та даже головы в его сторону не воротит: так, скосит натушенный глаз, процедит уголком напыленного рта что-то коротко и вновь тянет коктейль через соломинку. Махнув рукой, пьянчуга пошёл, пошатываясь, в сторону сквера. Проходя вдоль забора, бубнил обиженно в рыжеватые прокуренные усы: «Ишь – вырядилась... Думает, не узнаю... Не помнит... Так я и поверил... Нас во всей школе двое всего рыжих и было: она да я... Думает, раз пью, то уже не человек... Поговорить нельзя... Да я, если захочу, хоть щас могу бросить... Как нечего делать... Не узнаёт она...»

Он вновь взглянул на часы. Пора. Пять минут – как раз, чтобы дойти... Загасив сигарету и сунув её назад в пачку, он направился к выходу из сквера. В этот же момент бегемотообразный господин, откушав шашлычку с салатиком и кружечкой пива, встал из-за столика. На освободившееся место тут же ринулось несколько человек, но проворнее всех оказался тот самый женоподобный конференсье, что полтора часа назад жестоко обломал кайф местным рокерам. Только теперь он был в чёрных солнцезащитных очках. Оставшаяся без места мамаша с маленьким ребёнком в коляске пыталась ему выговаривать, но конференсье тут же сделал вид, что занят важным разговором по мобильному телефону. Мамаша покричала, повозмущалась и пошла восвояси, так и не найдя ни в ком сочувствия. Тем временем господин в клетчатых шортах, уже сев в свой бордовый «Ауди», вдруг всполошился и затрусил обратно в кафе. Интересно, что он там позабыл? Но задерживаться здесь дольше нельзя.

Он свернул за угол и спокойно пошёл вдоль не широкой улицы. Праздных прохожих тут попадалось приметно меньше. Лица шедших навстречу или обгонявших его людей казались озабоченными. На небе не было ни единого облачка. Яркое солнце слегка припекало затылок и плечи; худосочные сосенки и берёзки, высаженные взамен вырубленных год назад старых лип, практически не давали тени.

Он замедлил шаг. Секундная стрелка на часах, прикреплённых над входом в метро, обегала последний круг. Когда она поравнялась с цифрой «12», позади, там, откуда он шёл, раздался громкий хлопок, звон битого стекла и истошный вой автосигнализации.

Без названия

...Да тут такая история приключилась – дурацкая... Иду как-то до дому – усталый, злой как собака, всё обрыдло... Не знаю, может быть, кому-то эти новогодние праздники и в радость, но мне, лично, сплошная нервотрёпка и дурной сон. Ещё и погода соответствующая: мало того, что мороз, так ещё и сыро; к вечеру непременно сгущается туман (это в степи-то!), удесятеряющий своей промозглостью ощущение холода и оседающий инеем на деревьях и проводах, отчего те кажутся совершенно нереальными, отлитыми из странного серебристого металла.

Так что я не сразу поверил собственным глазам, когда возле самого подъезда из этого тумана возникла «смытая», как на старинных дагерротипах, фигура человека, завёрнутого в какую-то линялую простыню, в пляжных шлёпанцах на босу ногу и каком-то клетчатом платке на голове. Он стоял, зажав руки под мышками, весь сжавшись, ссутулившись, слегка вздрагивая, как вздрагивают птицы, когда смотрят искоса. Подойдя ближе, я различил, что на вид ему лет тридцать или даже меньше, а чёрные волосы длинные, как у хиппи.

– Слышь, парень, ты откуда такой взялся? Кришнаит, что ли? – спросил я, скорее из жалости, нежели из любопытства. Парень молчал, лупая заиндевелыми ресницами так, словно это я голыми ногами по снегу разгуливаю.

– Слышь, кришнаит, поморозишься к чёртовой матери. Ты где живёшь-то?

Он с трудом разомкнул смёрзшиеся губы и произнёс с приметным акцентом:

– Нигде... У меня нет постоянного дома. Я хожу из города в город...

«Всё это можно было сказать одним словом – бомж», – подумалось мне, но тут же подумалось и другое: «Что-то не похож он на обычного бродягу. Не ходит же он из города в город в этой тонкой простынке?»

– Ладно, – махнул рукой я, – пошли, брат-кришнаит, погреешься...

И почти силком затащил бедолагу в подъезд, а затем к себе в квартиру. Он встал в прихожей и никак не хотел проходить далее. Впрочем, я и не настаивал особо, опасаясь возможных насекомых: кто знает, когда он последний раз мылся. Пошёл на кухню, поставил чайник.

«Как бы чего не спёр», – малодушно помыслил я и во всё время, пока кипятилась вода, поглядывал в прихожую. Но «кришнаит», слегка оттаяв, смиренно присел на краешек табуретки: сидел не двигаясь. Я принёс ему чаю. Он взял кружку двумя руками, подержал, греясь её теплом, и лишь затем стал медленно, с наслаждением пить. Бросилось в глаза, что запястья у него были обмотаны грязными бинтами, на которых виднелись бурые пятна.

– Ты, что, вены себе резал? – спросил я, но «кришнаит» словно бы и не расслышал вопроса, всецело поглощённый ощущением блаженного тепла, разливающегося по телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.